

ЮВІЛЕЇ

И. Б. Доценко

Национальный научно-природоведческий музей НАН Украины
ул. Б. Хмельницкого, 15, Киев 01601 Украина

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ ДАРЕВСКИЙ (1924–2009) К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Доклад «Памяти И. С. Даревского», сделан автором на IV конференции Украинского герпетологического общества (Харьков–Гайдары, 2011).

18 декабря 2014 года исполнилось 90 л. со дня рождения Ильи Сергеевича Даревского, выдающегося зоолога, герпетолога, чл.–корр. АН СССР (впоследствии РАН), первооткрывателя явления партеногенеза у рептилий, основателя герпетологического общества им. А. М. Никольского.

Родился Илья Сергеевич 18 декабря 1924 г. в Киеве или, возможно, в пос. Рокитно Белоцерковского р-на Киевской обл., где прошло его раннее детство *. В 1931–1941 годах Илья учится в киевской школе, в средних и старших классах занимается в кружке юннатов. В старших классах он получает возможность работать в фондах Института зоологии и кафедры зоологии Киевского университета, где знакомится с Н. В. Шарлеманем, И. А. Цемшем, А. П. Корнеевым. В 1939 г., благодаря этим знакомствам, он принимает участие в своей первой экспедиции по Тернопольской обл. Украины.

С началом Великой Отечественной войны шестнадцатилетний Илья, ещё не получивший аттестата об окончании школы, отправляется в эвакуацию в г. Артёмовск, где подаёт заявление в военкомат, которое, однако, не принимают. Затем переезжает в г. Харьков, к дальним родственникам, и там поступает в ремесленное училище связи. Вскоре училище эвакуируют в г. Барнаул. Там Илья вновь подаёт заявление о досрочном зачислении в действующую армию, и военкомат направляет его в пехотное училище

* В большинстве статей, посвященных И. С. Даревскому, местом его рождения назван Киев. Однако в автобиографии его место рождения не указано, но сообщается буквально следующее: «Я родился и вырос на Украине и провел свои детские годы в районном г. Рокитно в Белоцерковском районе, где отец занимал какой-то важный пост ...», что даёт основания предполагать, что именно там он и родился.

© И. Б. ДОЦЕНКО, 2015

г. Кемерово. Пройдя краткосрочные курсы, с начала 1943 года и до конца войны Илья Сергеевич Даревский участвует в боях на фронтах Великой Отечественной войны. Сначала в звании рядового, затем — лейтенанта, командира взвода связи прошел от г. Смоленска до г. Кенигсберга, дважды был ранен, имел боевые награды — ордена Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени и медали «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. ».

В 1945 году, после лечения в госпитале под Кенигсбергом вследствие ранения, Илья Сергеевич возвращается с фронта в Москву, куда в конце войны к своему раненому на войне брату переехала его мама. Твёрдо решив заниматься зоологией, он находит работу в террариуме Московского зоопарка, затем в ВОХР Академии медицинских наук. В это же время заканчивает курс средней (вечерней) школы и сдаёт экзамены на получение аттестата зрелости. В послевоенные годы он осуществляет поездки в родной г. Киев, где встречается с Н. В. Шарлеманем, и в г. Ленинград, где происходит личное знакомство с одним из известнейших герпетологов С. А. Черновым, с которым Илья ещё со школьных времён вёл переписку.

В 1948 г. Илья Сергеевич поступает в Московский государственный университет на биолого–почвенный факультет, и заканчивает его в 1953 г. По окончании МГУ И. С. Даревский изучает герпетофауну Кавказа, поступает в аспирантуру и в 1954 году уезжает в г. Ереван, в Институт зоологии АН Армянской ССР. В 1957 г. защищает диссертацию на тему «Фауна пресмыкающихся Армении и её зоогеографический анализ». Именно в это время он и открыл партеногенез у полиморфной группы скальных ящериц, позже выделенных в отдельный род, названный его именем (*Darevskia* (Arribas 1997)). После защиты Илья Сергеевич несколько лет работает там же сначала младшим научным сотрудником, затем ученым секретарем, зав. сектором Института зоологии АН Армянской ССР.

В 1962 году он переезжает в г. Ленинград, где работает ЗИН АН СССР старшим научным сотрудником, а вскоре заведующим лабораторией орнитологии и герпетологии. В 1967 г. И. С. Даревский защищает докторскую диссертацию по теме «Скальные ящерицы Кавказа...», тогда же выходит одноименная монография. В это время вокруг него начинает формироваться коллектив молодых, талантливых и активно работающих герпетологов — аспирантов, многие из них — из республик Закавказья. Он совершает многочисленные экспедиционные выезды на Кавказ и в другие республики СССР, а также в дальние зарубежные поездки в тропические страны. Одним из первых учёных побывал на островах Комодо (Индонезия), куда отправился для изучения гигантских варанов. После этого выезжал для работы и сотрудничества с иностранными учеными в Бразилию, Иран. В 1978 г. Илья Сергеевич был утвержден в звании профессора, а с 1987 г. он — член–корреспондент по Отделению общей биологии АН СССР. В том же году он стал лауреатом премии им. И. И. Мечникова, в 1989 году — заслуженным деятелем науки Российской Федерации, в 2002 г. — лауреатом премии И. П. Павлова.

Самое активное участие И. С. Даревский принимал в организации и работе Всесоюзного герпетологического общества им. А. М. Никольского, президентом которого он был с 1991 по 2006 гг. До этого при научном совете АН СССР «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира» существовал Всесоюзный герпетологический комитет, председателем которого также был Илья Сергеевич. Комитет под его председательством успешно провел Третью и Четвертую герпетологические конференции, в работе которых участвовали герпетологи со всего Советского Союза, а также коллеги из социалистических стран — Венгрии, ГДР, Польши.

Большое значение Илья Сергеевич Даревский придавал развитию и углублению международных научных связей, что в те годы представляло немалые трудности. С 1966 г. он член Международного токсикологического общества, с 1970 г. — член Международной герпетологической лиги, с 1980 г. — Европейского герпетологического общества. Кроме того, он почетный иностранный член Американского общества ихтиологов и герпетологов (1973), член Американского общества зоологов (1989), профессор-исследователь Калифорнийского университета, входит в состав редакционных коллегий ряда авторитетных герпетологических периодических изданий. Принимает активное участие в международных съездах, конгрессах и конференциях, посещая в 70-х и 80-х годах зарубежные страны (Польшу, Венгрию, Чехословакию, ГДР, США, Великобританию), ведет активную переписку с герпетологами всего мира. Особенно активно Илья Сергеевич работает над изучением герпетофауны стран Юго-Восточной Азии, в 80-х и 90-х годах неоднократно отправляется со своими учениками и коллегами в экспедиции во Вьетнам.

И. С. Даревский — автор более 300 печатных работ — научных и научно-популярных статей, монографий, многие из них написаны в соавторстве с российскими и зарубежными коллегами—герпетологами, батрахологами, палеонтологами и генетиками, что свидетельствует о широте интересов и значении исследований для многих отраслей биологической науки. Он — автор и соавтор описаний 34 новых видов рептилий. В честь И. С. Даревского названы около 30 новоописанных видов животных (не только амфибий и рептилий, но и червей, моллюсков, насекомых), а также выделенный из рода *Lacerta* род скальных ящериц *Darevskia* (Agribas, 1997), изучение которых Илья Сергеевич продолжал в течение всей жизни. Под его руководством были написаны и защищены 30 кандидатских и докторских диссертаций учёными России, Белоруссии, Армении, Грузии, Азербайджана, Латвии, Туркменистана, Монголии.

Умер Илья Сергеевич после продолжительной болезни 8 августа 2009 г.

Каким же запомнился этот совершенно особенный человек, выдающийся учёный, знавшим его?

Впервые мне довелось услышать это имя ещё в институте, когда на занятиях по цитологии наш преподаватель Вероника Павловна Усенко рассказывала нам о партеногенезе у животных. Тогда нам было сказано, что наш знаменитый советский учёный Илья Сергеевич Даревский открыл и изучил это явление у пресмыкающихся — скальных ящериц, обитающих на Кавказе. Мне запомнилось это имя, и, как водится у молодых людей, для меня И. С. Даревский был тогда неким хрестоматийным образом крупного ученого, чьи труды описываются в учебниках, а портрет в раме красуется на стенах академических учреждений. Поэтому, когда мой научный руководитель Николай Николаевич Щербак, у которого я проходила обучение в аспирантуре, пообещал познакомить меня с И. С. Даревским, это вызвало у меня некий «священный трепет» благоговения. Вскоре знакомство состоялось — сначала в Киеве, когда Даревский выступал оппонентом на защите одного из коллег, а затем, более основательное — в Ленинграде, во время командировки в ЗИН. Илья Сергеевич оказался вовсе не академично-хрестоматийным, а очень живым, подвижным, активным в общении и совершенно чуждым всякого превосходства со всеми без исключения — приветливым и очень радостным. Таким — открытым и радостным, необыкновенно лёгким в общении, стремительным в движениях, в мыслях и реакциях на все происходящие события — его наверняка помнят все, кто был с ним знаком. Это его настроение передавалось окружающим, и во многом обуславливало необыкновенно приятную атмосферу отдела, который он возглавлял. Приезжего коллегу здесь встречали приветливо и всегда готовы были оказать всяческую помощь в предоставлении материалов и

инструментов для работы, в поиске специальной литературы и разнообразных консультаций, в знакомствах и получении информации. В довольно холодном (ещё до ремонта) помещении лаборатории на 4-м этаже Зоологического института сотрудники лаборатории и гости часто собирались погреться на «рюмочку чайку», по выражению Ильи Сергеевича, и за чаем с сушками многое о многих герпетологах услышала я от него и его коллег. С большой теплотой вспоминал Илья Сергеевич о своих друзьях и наставниках Ф. М. Трескине, Н. В. Шарлемане, С. А. Чернове, П. В. Терентьеве, рассказывал о товарищах по экспедициям, о зарубежных коллегах — Дж. Мертенсе, Ш. Минтоне, Дж. Айзелте, Карле Гансе, Г. Петерсе, армянских, грузинских, турецких и вьетнамских герпетологах... Особенно дорого и радостно мне было услышать его воспоминания о детстве и юности, проведенных в Киеве, о том, как он наблюдал и ловил ящериц на днепровских склонах, дружил и работал с киевскими юннатами, вместе со своим товарищем Леонидом Пржебыльским спускался в пещеры Киево-Печерской лавры в поисках летучих мышей, читал книги Брема, Дарвина (Путешествие...), Уоллеса, приключенческие романы Жюль Верна, Майн Рида, Дюма, Вальтера Скотта, как написал свои первые опубликованные в журнале «Пионер» работы, как признавался в первой любви девочке на лестничном спуске позади киевской филармонии (тогда — дворца юных пионеров), о том, как мама Ильи Сергеевича жаловалась в письме С. А. Чернову на плохую успеваемость сына по нелюбимым предметам и о письменном «наставлении», полученном от Чернова... Там же, за чаем, шел обмен информацией о вышедших новинках, о наиболее интересных и спорных вопросах герпетологии, здесь же от Ильи Сергеевича можно было получить подсказку о применении какой-либо методики обработки материала или теоретическом обосновании полученных результатов. Особенно поражала быстрота, с которой Илья Сергеевич получал, усваивал и транслировал окружающим ту обильную специальную информацию, которую он, как человек именитый в своей области, один из ведущих герпетологов мира, получал первым из самых разных стран и из различных областей биологии и, в частности, герпетологии, а также широта его кругозора как в профессиональной сфере, так и в самых разных областях науки и культуры. Очень часто он узнавал новые сведения о тех или иных вопросах, не находящихся в сфере его ближайших интересов, ранее тех специалистов, которые ими занимались непосредственно, и сообщал им об этом, оказывая существенную помощь (я сама эту помощь не раз от него получала). Илья Сергеевич позволил мне засиживаться в ЗИНе допоздна, иногда даже ночевать там, спрятавшись в мансардной комнатке от уборщиц. Для этого в лаборатории мне выделили старенькую раскладушку, которую Илья Сергеевич собственноручно чинил. Он вообще многое умел делать сам, собственными руками. Эти навыки он принёс из юннатских походов и из своего военного прошлого.

О войне, в которой участвовал, Илья Сергеевич почти не рассказывал, лишь как-то вскользь упомянул, когда я спросила его о самочувствии, что у него с войны осколок, который опасно удалять, и который причиняет ему боль. Только недавно, прочитав его рукописную автобиографию, названную «Герпетология и жизнь», я узнала, что Илья Сергеевич добровольцем пошел на войну, и с начала 1943 года до конца войны был на фронтах. В ней он очень искренне, но совершенно без пафоса и гордости, просто и спокойно рассказывает о том, как попал на войну добровольцем — отчасти движимый юношеским патриотическим порывом, отчасти — от нужды, от перелома в судьбе, вызванного войной, от неотвратимости — пишет так, как было, честно, но не слишком подробно. Видимо, воспоминания о страшных реалиях войны, о потерях и гибели друзей были болезненны для него и много лет спустя.

Побывав не раз в Армении, в Институте зоологии в г. Ереване, куда попала по

направлению Николая Николаевича Щербака в 1983 г., могу сказать, что и спустя много лет после отъезда из Армении в 1962 году, Илью Сергеевича прекрасно помнили и любили там, и его имя, как и имя его друга Н. Н. Щербака, открывало в ереванском Институте зоологии все двери. Тут надо сказать, что И. С. Даревский и Н. Н. Щербак — два масштабнейших учёных в своей области, были очень дружны между собой, и будто бы дополняли друг друга, различаясь во многом и внешне и в особенностях своих характеров и судеб: лёгкий, невысокий, худощавый, всегда весёлый и стремительный, мягкий и приятный Илья Сергеевич и крупный, яркий, наступательный, энергичный и властный, кипучий Николай Николаевич, тоже очень доброжелательный и по-настоящему добрый и щедрый человек, с виду, однако, бывавший и грозным. У обоих судьбы были нелёгкими, и ещё и поэтому, наверно, эти два человека прекрасно понимали друг друга и поддерживали в работе. Ленинградскую и киевскую школы герпетологов, возглавляемые этими двумя лидерами, всегда связывали тесные и добрые отношения сотрудничества.

С 1962 г. И. С. Даревский работал в ЗИН РАН, и я застала его уже главой лаборатории орнитологии и герпетологии. Попав в его отдел довольно молодой аспиранткой, могу сказать, что кроме многих других достойных и обаятельных качеств Илья Сергеевич был прекрасным педагогом. Молодые ученые, попадавшие в сферу его влияния, всегда оказывались обласканы его вниманием и одобрением по поводу любого самого небольшого достижения или усилия, или просто усидчивого и заинтересованного отношения к работе. И в то же время он мог сделать критические замечания — абсолютно прямо и открыто, и при этом как-то необходимо.

Илья Сергеевич был прекрасным собеседником, не только сообщавшим огромное количество специальной информации, но и рассказывавшим много о разных герпетологах и событиях в их жизни, о литературе, о Петербурге, о музыке. У него была великолепная библиотека, и, кроме того, богатая фонотека, он очень любил музыку от оперного и других классических жанров до авторской песни и эстрады. У него я, например, впервые услышала «Баню» В. Высоцкого. «Истопа ты мне баньку по-белому...» тихонько напевал он иногда, пока мы бежали по замороженному Невскому к метро — нам часто было по дороге. Он жил неподалёку от станции метро «Удельная», где находилась гостиница, в которой я останавливалась, и иногда приглашал меня в гости, позволял ознакомиться со своей богатейшей библиотекой, всегда был радушным хозяином. Позже мы встречались с ним и в Киеве, и на конференциях в разных городах тогдашнего СССР. Поражала удивительная активность и неутомимость его в работе, при этом часто работа превращалась у него в увлекательное времяпровождение, а досуг — в продолжение работы. Довелось мне побывать с ним однажды и в полевых условиях — в поездке в окрестности с. Дениши Житомирской обл., куда он давно стремился осмотреть результаты заложенного им совместно с Н. Н. Щербаком эксперимента по интродукции и акклиматизации партеногенетических армянских скальных ящериц из Закавказья в каньоне р. Тетерев. Этот эксперимент и теперь продолжается, и приносит свои интересные результаты.

Почти не довелось мне видеть Илью Сергеевича стареющим и угнетаемым болезнями. Мы поддерживали общение перепиской, и лишь иногда коллеги и общие знакомые сообщали мне о том, что Илья Сергеевич чувствует себя не очень хорошо, что его одолевают болезни, из-за которых он уже не мог приходить в ЗИН. Но в моей памяти он так и остался стремительным, почти летящим по ЗИНовским коридорам, иногда мягко-ироничным, но неизменно излучающим тепло и внушающим уважение и любовь к себе. Это, наверно, и есть светлая память.